

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-4-770-786

EDN: HGHPUSU

Стабилизационное сознание в изменяющемся российском обществе*

С.Д. Савин

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
ул. Кржижановского 24/35, корп.5, Москва, 117218, Россия

(e-mail: ssd_sav@mail.ru)

Аннотация. Ускорение динамики общественных процессов в последние десятилетия требует нового теоретико-методологического подхода к анализу реакции массового сознания на эти изменения. В каких случаях изменениям предшествуют ожидания или запросы на перемены, а в каких изменения порождают реакцию на стабилизацию системы? Как общественное мнение пытается сохранить или восстановить стабильность в меняющемся мире? Сложная структура общества как системы во многом определяет динамику социальных настроений, задавая логику изменений и выделяя доминирующие функции то одной, то другой сферы общественной жизни в разные исторические периоды. Российское общество вошло в политическую фазу своего развития — когда изменения, обусловленные политическим целеполаганием, переходят во все другие сферы. Усиливается причастность к политике, политизация разных сторон жизнедеятельности общества и, конечно, общественного мнения. Изменения вторгаются в жизнь простого человека (обывателя), вынуждая его делать выбор тех или иных стратегий будущего. Однако при этом массовое сознание, консервативное по своей природе, неизбежно питает надежду на скорую стабилизацию. В статье на основе данных опросов общественного мнения, полученных Центром комплексных социальных исследований Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук в 2016–2023 годы, проводится анализ динамики общественного сознания с точки зрения запросов и ожиданий перемен и стабильности. Сделаны выводы о противоречивом характере изменений в российском обществе, поскольку общественное сознание оказалось не готово к направленности, глубине и темпам происходящих перемен. Наблюдается социальная сегментация — на тех, кто уже влился в поток перемен, и на тех, кто пытается от них отстраниться. Двойственную роль играет стабилизационное сознание — апеллируя одновременно и к прошлому, и к будущему.

Ключевые слова: стабилизационное сознание; социальные изменения; социальная стабильность; общественное сознание; социальная напряженность; российское общество

*© Савин Д.С., 2023

Статья поступила 04.05.2023 г. Статья принята к публикации 16.10.2023 г.

Когда меняется общество, его структура и качественные характеристики, можно говорить о такой социальной динамике, которая характеризуется как «перемены», т.е. изменения, подразумевающие корректировку курса общественного развития — от умеренной до радикальной. Происходят ли такие перемены в российском обществе сегодня? Прежде чем отвечать на этот вопрос, следует сделать уточнение — изменения могут происходить по разным траекториям.

Траектории общественного развития в духе времени

В общественном сознании западных стран закрепилось устойчивое представление о реформах как либерально-демократических изменениях в общей парадигме политической модернизации. Изменения в других направлениях воспринимаются как откаты от магистрального пути и зачастую не рассматриваются как самостоятельные процессы. Однако на фоне противоречий современного этапа глобализации все чаще встает вопрос об альтернативах нынешнего пути развития в трактовке Ф. Фукуямы [25] — как о попытках заявить о некоем ином направлении общественных изменений. Наиболее развернутой в этом плане стала концепция устойчивого развития на основе социально-экологической парадигмы, по преимуществу левой и партиципаторной в политико-идеологическом содержании [28; 30], а также консервативные идеи цивилизационного (многополярного) развития с «центрами притяжения» — историко-культурного, технологического и социально-экономического. Остановимся на третьем пути подробнее, поскольку он связан с вопросами современного политического развития российского общества.

Государства-цивилизации — это не только своеобразные ядра стратегических международных отношений, но и зоны влияния мягкой силы, притягивающей «атомы» историко-культурно близких обществ. Можно было бы назвать это притяжение регионализацией, но его отличие в том, что каждая региональная конгломерация претендует на самостоятельное идейно-ценностное значение и уникальность развития через «культурный код» [4; 13; 26]. В художественной литературе и кинематографической фантастике такая модель представлена в космических сагах, где в межгалактических отношениях инопланетные цивилизации образуют союзы и пытаются создать некие общие правила игры в масштабах вселенной, что нередко порождает «звездные войны». Подобного взгляда, но пока в масштабах нашей планеты, придерживаются носители консервативной идеологии (традиционалисты), для кого глобализация — просто совокупность правил игры для фигур разных типов и весовых категорий, которые различаются по цивилизационным основаниям. И хотя идея цивилизационного подхода в общественно-политической мысли не нова, к ее практической реализации через формирование соответствующей идеологии на государственном уровне в России только приступают.

Иными словами, российское общество меняется, и перемены носят серьезный характер, оказывая влияние как на качество социальных структур, так и на сущностные стороны общественного развития. Перемены наблюдаются во всех сферах жизни: в духовной сфере это реформы образования и выход из Болонской системы, усиление роли религии и идеологическая установка на укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей; в социально-экономической сфере — государственная поддержка традиционных отраслей промышленности (прежде всего военно-промышленного комплекса) и сельского хозяйства; в политике — усиление централизации управления, мобилизованное гражданское и политическое участие и выстраивание конфликтных линий разграничения с Западом. Активная фаза этих изменений началась сравнительно недавно, и отправной точкой можно считать принятие поправок в Конституцию в 2021 году. Чтобы изменения вошли в «ткань» общественной жизни, требуется продолжительный период — в институциональном плане развернутый на десятилетия, поэтому сегодня мы наблюдаем ряд противоречий в реформах и государственных мерах, которые порождают конфликты в российской политике.

Естественным образом социальные изменения должны отражаться в массовом сознании — если они действительно значимы. Воздействие внешних и внутренних изменений на состояние общества определяется, в первую очередь, давлением на общественное сознание и, прежде всего, на массовые настроения и поведение [1. С. 5]. Общеизвестно, что общественное сознание имеет консервативный характер, ориентировано на сохранение сложившихся образцов общественной жизни. Тем не менее, бывают периоды, когда интенция перемен в общественном сознании нарастает и может привести к его радикализации. Кроме того, перемены могут соответствовать или не соответствовать общественным ожиданиям: перемены ожидаемые менее травматичны, укладываются в некую модель будущего и осознаются в процессе поэтапной стабилизации; на нежелательные, стрессовые, малопонятные по последствиям изменения общественное сознание реагирует непредсказуемо. С одной стороны, возникает страх ухудшения ситуации, катастрофы в случае перехода от социальной напряженности к массовым конфликтам, и надежда, что негативные изменения сами по себе сойдут на нет и произойдет возврат к прежней, более-менее устоявшейся жизни. С другой стороны, формируется массовое недовольство — распространяясь от ущемленных социальных групп к широким слоям населения, и тогда стабилизация уходит на второй план на фоне необходимости восстановления социальной справедливости. В свою очередь, стабилизационное сознание, с одной стороны, позволяет «амортизировать» перемены, делать их менее болезненными, по крайней мере на первом этапе; с другой стороны, помогает выстроить позитивный образ будущего как основу общественной консолидации. Стабилизационное сознание ориентирует людей на устойчивость жизненных

отношений и связей, дает уверенность в завтрашнем дне, «имеет сложные социально-психические детерминанты, в частности глубокую мотивацию, выражающуюся в бессознательном стремлении к безопасности, предсказуемости и снятию тревожности» [14. С. 147].

На эту психологическую основу «подгружаются» идеологизированные представления о стабильности, конструируемые ведущими политическими силами, т.е. общественное сознание отражает своего рода дискурс стабильности. В частности, в России с начала 2000-х годов стабильность становится ведущей идеологемой: в дискурсе власти это ориентация на политический и правовой порядок, социальные гарантии населению, умеренно-консервативные ценности и надежность финансово-экономической системы. Причем подчеркивается, что основные черты такой системы уже сложились и надо всеми способами их сохранять [19. С. 6–7]. Контраргументы противников «официальной стабильности» характеризуют ее как застой, негативную, мнимую или даже депрессивную стабильность с ограниченными возможностями развития системы [15. С. 20, 43; 27. С. 37]. Обе аргументации имеют ограничения, поскольку с научной точки зрения у стабильности как динамического свойства системы имеются и характеристики постоянного обновления и сохранения (устойчивости). В общественном сознании стабилизация рассматривается, прежде всего, в ракурсе устойчивости, как восстановление системы после возмущений, т.е. перемены/изменения воспринимаются как противоположность стабильности — отсюда так называемые «интенции (устремления, общественные ожидания, запросы) стабильности/перемен».

Цикличность общественных запросов на стабильность и перемены

Как показывают историко-социологические исследования, чередование стабилизационных и ориентированных на перемены устремлений носит в общественном сознании циклический характер. Императив стабильности, как правило, распространяется в период социальных трансформаций (искомая стабильность после кризисных периодов), интенция перемен — напротив, в ситуации застоя и закрытости социальных структур [14. С. 7]. Вспомним, например, по В. Парето, чередование в духовной жизни периодов патристической веры и скептицизма и соответствующие ориентиры на элиты львов и лис в политике — лидеров с качествами постоянства агрегатов или инстинкта комбинаций.

Неорганизованность, стихийность массового сознания, его подверженность самым разным влияниям порождают парадоксы и амбивалентность. Массовое сознание определяется текущими настроениями (ситуациями), но в то же время демонстрирует устойчивость основных ценностей, установок, стереотипов и исторической памяти. Кроме того, оно реагирует на общие

тенденции в разные исторические периоды, например, на приоритеты общественной динамики в той или иной социальной сфере.

Интенция перемен нарастает, когда в духовной жизни возникают новые формы. В начале XX века расцвет российской дореволюционной культуры (серебряный век литературы, новые формы искусства, философия космизма, новые общественные движения и т.д.) породил стремление к изменениям — все дышало духом революции и обновления. В сам период изменений, как было в революционные годы, политика как сфера жизни выходит на первый план, имеет доминирующее влияние на общество — мобилизационная экономика, революционная печать, социальные последствия революционной борьбы, ускорение социальной мобильности. В результате общественное сознание радикализуется, происходит массовизация политических процессов. После бурных политических периодов возникает потребность в восстановлении экономики, и первоочередными ставятся задачи экономического роста (индустриализация). Возрастает интенция стабильности — люди ждут социальных гарантий и роста благосостояния, качества жизни. Однако после «брежневского застоя» людям начинает чего-то не хватать — формируются завышенные ожидания, «перемен требуют сердца».

Переход от интенции перемен к императиву стабильности описан в воспоминаниях известного революционера Л.Д. Троцкого, который сетовал, что к середине 1920-х годов революционный дух в массах угас и расшевелить их идеей транзита революции (перманентной революции) не представлялось возможным. Идеи первого периода революции не поддерживались властвующим партийным слоем, и в стране происходили процессы, которые можно было назвать реакцией, — они захватили в той или иной степени весь рабочий класс, включая его партийную часть [24. С. 570]. Похожий поворот произошел в середине 1970-х годов в западной социальной мысли — от леворадикального сознания к консервативному и неолиберальному. Период масштабного социального кризиса с бурными молодежными волнениями и протестами 1968 года начал сменяться стабилизационной тенденцией. Место леворадикальных интеллектуалов, критикующих капитализм и общество потребления, заняли умеренные представители теорий общественного развития (постиндустриального общества, устойчивого развития и др.).

Циклы могут различаться по длительности, выраженности тенденций, последовательности и комбинации. Политика необязательно переходит в радикализированную фазу, экономика необязательно быстро растет и т.д. Так, трагически ворвавшаяся в жизнь советского общества Великая Отечественная война надолго отодвинула стабилизационную фазу. Но в целом цикличность интенций перемен и стабилизации в массовом сознании присутствует, хотя и зависит от исторической ситуации.

Динамика социально-политических изменений в оценках россиян (2016–2022)

Сегодня российское общество находится в политической фазе развития — перемены запущены (санкции, мобилизация, эмиграция, реформы систем образования и воспитания, изменения в молодежной политике и др.), что определяет противоречивое состояние общественного сознания. Летом 2023 года был опубликован опрос Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), согласно которому 44 % россиян ожидают, что в течение ближайших трех — пяти лет ситуация нормализуется, а каждый третий (31 %) полагает, что это произойдет в текущем году (1). Это один из главных парадоксов стабилизационного сознания, аналогичный тому, как в начале 1990-х годов люди верили, что рыночные реформы пройдут быстро, экономика восстановится в течение нескольких лет и начнутся новые интеграционные процессы. Однако запущенный процесс изменений вряд ли быстро завершится — структурные изменения рассчитаны на период в несколько лет, а далее последуют непредсказуемые по продолжительности адаптация и оппозиция к новой реальности. При этом возможны как откаты, так и начало принципиально новой динамики изменений, смена вектора развития. Ставки предельно высоки, и даже в случае достижения внешнеполитических целей стране предстоит решить огромное количество внутренних проблем [9. С. 8]

Чтобы понять динамику общественного сознания в России, обратимся к мониторинговым опросам общественного мнения, проведенным Центром комплексных социальных исследований Института социологии ФНИСЦ РАН. На протяжении 2000-х годов ориентация на статус-кво постоянно доминировала как позиция большинства россиян (65 %–70 %) [16. С. 121]. Однако в 2017–2019 годы в российском обществе произошел всплеск настроений, связанных с ожиданием перемен, и некоторый рост гражданской активности. Так, если в 2016 году доля согласных с тем, что «страна нуждается в существенных переменах, нужны новые реформы в экономической и политической жизни страны», составляла 30 %, то к 2018 году — уже 56 %. Особенно эта тенденция была характерна для молодежи с ее запросом на де бюрократизацию и демократизацию [16. С. 121; 17. С.129-131] на фоне наметившегося доминирования Интернета как источника информации в условиях смены поколений. Так, всероссийский опрос СПбГУ в 2019 году показал, что 65 % опрошенных положительно относились к высказыванию о необходимости кардинальных перемен для обеспечения социальной справедливости, и было примерно поровну тех, кто считал, что страна движется в правильном и неправильном направлении [20. С. 213]. В ожиданиях перемен доминировало представление о корректировке политики сверху — политической элитой — при сохранении стратегического курса страны. В тот период 70 % гордились быть гражданами России,

и в целом к 2019 году пиковых значений достигла общероссийская гражданская идентичность [3. С. 42], что позволяло надеяться на повышение гражданской солидарности россиян.

В конце 2010-х годов перемены в сознании россиян рассматривались в русле эволюции государства в сторону социал-демократической политики по выстраиванию баланса с гражданским обществом, укреплению принципов социальной справедливости, обеспечению равенства возможностей, увеличению социальных гарантий, борьбе с коррупцией, защите прав человека и сокращению социального неравенства. Эти общественные ожидания соответствовали президентской программе развития общества, которая была отражена в серии публикаций во время избирательной кампании и в «майских указах» 2012 года (2), а затем в национальных проектах (3). Усилившиеся в 2016–2020 годы протестные настроения были во многом связаны с запросом общества на ускорение темпов социального развития и корректировку курса развития страны. Причем социальной базой запроса на перемены стала постепенно увеличивающаяся доля «самодостаточных россиян», ориентирующихся на самостоятельное решение проблем — без помощи государства [2. С. 15]. Политический режим имел большой запас прочности и мог опираться на методы маневрирующей стабилизации, гибко реагируя на общественные запросы и снижая социальную напряженность.

Накануне вступления российского общества в ковидный период 2020–2021 годов оформился дискурс перемен в отношении ряда направлений государственной политики. Пандемийный стресс-тест государственной системы управления породил двойкие оценки ее эффективности. С одной стороны, повысилось доверие региональной власти на фоне значительного обновления губернаторского корпуса, на чьи плечи легла основная работа по борьбе с пандемией на местах. С другой стороны, антиковидные ограничения и слабая социальная защита в период пандемии породили недовольство федеральными властями — вплоть до распространяемых в социальных сетях теорий заговора, политизации и роста социальной базы движения «антипрививочников» [21]. Общественное сознание стало более противоречивым и эмоционально окрашенным, опросы фиксировали рост неуверенности россиян в будущем [8. С. 41] и консервативных тенденций — в попытке защитить личное пространство и семью от вмешательства государства. В то же время возрастали требования к государству в сфере социальной защиты населения, помощи малому и среднему бизнесу, поддержки здравоохранения. В целом, когда привычная жизнь людей нарушена и изменения носят нежелательный характер, возникает стремление к восстановлению стабильности. В ситуации подавленности и растерянности, некоторой апатии общественного сознания власть начала политические изменения, и первым шагом стала

конституционная реформа 2021 года. Затем антизападная и антилиберальная политика все больше наполняется самостоятельным консервативным содержанием. А после начала специальной военной операции (СВО) изменения переходят в мобилизационную фазу и затрагивают все сферы общественной жизни. Вопрос в том, насколько общество было готово к такому переходу и как адаптируется к изменениям?

Стабилизационное сознание в условиях нестабильности

В характеристике восприятия и принятия массовым сознанием происходящих изменений следует использовать не только прямые оценки ситуации, но и косвенные показатели социальных установок. Весной 2023 года 62 % россиян отметили, что на изменения в их жизни повлияло проведение СВО, и жизнь каждого пятого (19 %) изменилась значительно — чаще в негативную сторону (38 % — только отрицательное влияние, 5 % — однозначно положительное), каждый третий (30 %) отметил как позитивные, так и негативные изменения, а 27 % практически не ощутил влияния СВО на свою жизнь (несколько чаще представители молодежи до 30 лет и те, чье материальное положение за последний год не изменилось или немного улучшилось). Несколько иначе респонденты оценили изменения своего материального положения: только 2 % сообщили, что в связи с СВО у них выросла зарплата, за последний год материальное положение в той или иной степени улучшилось у 15 %, тогда как ухудшилось у 33 %, поскольку увеличились текущие расходы (39 %), а некоторые (7 %) потеряли часть сбережений и/или доходов. Следует отметить и продолжающееся санкционное давление на российское общество: исчезли некоторые привычные импортные товары (25 %), усложнилась оплата товаров из-за рубежа и перевод денежных средств (9 %), сократились возможности зарубежных поездок (15 %).

Ухудшилось и социально-психологическое состояние общества: по мнению опрошенных, у окружающих людей преобладают тревожность (49 %), раздраженность (13 %), безразличие/апатия (7 %). Показатель тревожности вырос по сравнению с 2021 годом — с 31 % до 49 % (Рис. 1), а показатель спокойствия — напротив, снизился с 33 % до 24 % [18. С. 56]. Негативным синдромом, всегда сопровождающим большие перемены, является идейный раскол, индикатором которого можно считать то, что у 16 % в их семье или среди родственников и друзей ухудшились отношения вследствие разных оценок СВО, прежде всего по причине разногласий между сторонниками и противниками политики России в отношении Украины (35 %). Соответственно, и в целом обстановка в стране оценивается как напряженная, кризисная — 81 % (даже катастрофическая — 8 %), россияне отмечают рост социальной напряженности в обществе (58 %) (но не в своих регионах и местах проживания — Табл. 1).

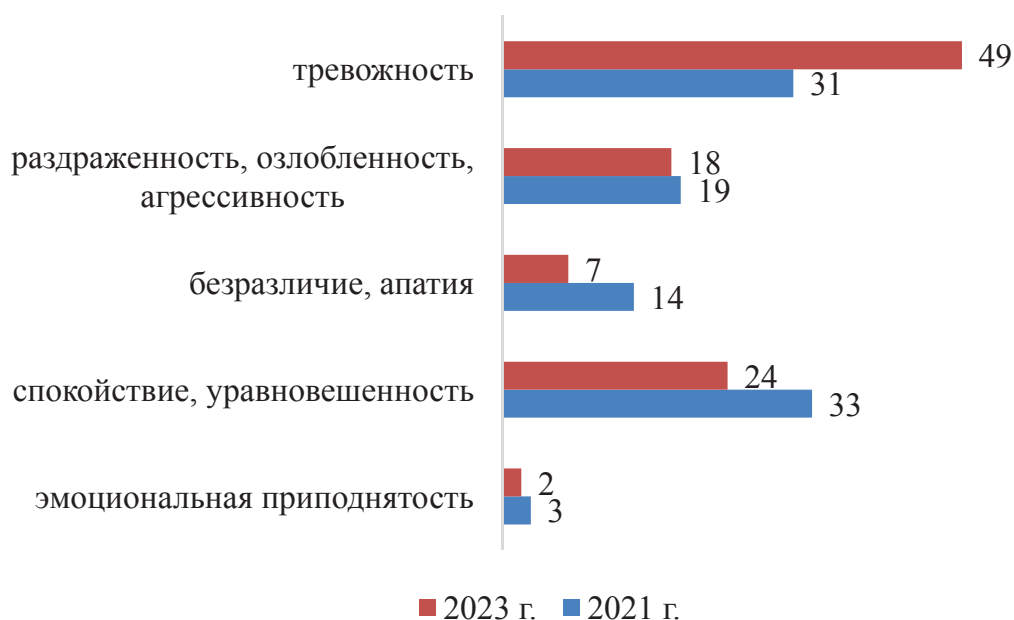

Рис. 1. Оценки социально-психологического состояния окружающих людей, в %

Таблица 1

Оценки ситуации в стране, регионе и населенном пункте проживания (%)*

Оценка ситуации	В России		В регионе		В городе, поселке, селе	
	2021	2023	2021	2023	2021	2023
Ситуация нормальная, спокойная	26	19	48	51	58	61
Ситуация напряженная, кризисная	54	73	44	46	35	36
Ситуация катастрофическая	10	8	8	3	7	3

*Здесь и далее приводятся данные проекта «Влияние нематериальных факторов на консолидацию российского общества в условиях новых социокультурных вызовов и угроз» (грант РНФ № 20-18-00505)

В основном перемены воспринимаются массовым сознанием как нечто неизбежное, объективно обусловленное, мало зависящее от усилий общест-венности, причем более трети опрошенных затрудняются с ответом на вопрос, можно ли было избежать военных действий в виде СВО (37%). В целом бремя ответственности делегируется на государственный уровень. 67% не участвуют ни в каких формах поддержки СВО (волонтерская дея-тельность, сбор средств и др.), треть активно поддерживают СВО, столько же (32%) отмечают, что российское общество выдержало экзамен на консо-лидацию и взаимоподдержку в экстремальных условиях, у 32% родственни-ки или друзья участвуют в СВО. Необходимо отметить, что при достаточно низкой оценке консолидации российского общества люди высоко оценива-

ют свой ближний круг: так, среди преобладающих эмоций за последний год 45 % назвали уверенность в поддержке близких и коллег, веру в то, что они придут на помощь, если понадобится. И многие эту помощь действительно получали (51 % — в решении хозяйственно-бытовых проблем). В ситуации экзистенциального выбора россияне будут руководствоваться прежде всего интересами своей семьи (61 %), а не государства (9 %), причем в столичных городах и административных центрах регионов второй показатель еще ниже (Табл. 2); каждый второй (54 %) не готов пойти на значимые жертвы ради интересов страны.

Таблица 2

Приоритеты россиян в ситуации экзистенциального выбора (%)

Чьими интересами будут прежде всего руководствоваться в серьезных вопросах, решая, как поступить	Тип поселения			
	Мегаполисы	Областные, краевые, республиканские центры	Районные центры, города не являющиеся районными	Село
Государства	3	8	9	11
Коллектива, интересы которого их решение непосредственно затрагивает (работа, учеба, друзья и т.п.)	4	4	4	4
Своей семьи	59	58	64	60
Своими собственными	33	29	22	24

В условиях перемен в обществе возрастают миграционные процессы: кризисные явления порождают неуверенность в завтрашнем дне и стремление к безопасности. Миграционные настроения в российском обществе нарастают со второй половины 2010-х годов: так, по данным СПбГУ, в 2019 году у 28 % опрошенных россиян были родственники и близкие знакомые, уехавшие из страны за последние десять лет; переезд в другую страну планировали 11 %, 18 % не планировали, но и возможности такой не исключали, т.е. почти треть россиян в той или иной степени была подвержена миграционным настроениям, а среди молодежи этот показатель был еще выше [20. С. 149]. По последним данным Института социологии, у 13 % опрошенных родственники и/или друзья уехали из России после начала СВО, и пока эмиграционные установки несколько снизились (только 0,6 % готовятся уехать за рубеж, 3,3 % имеют такие планы на будущее — против 15 % ориентированных на переезд в Москву и Санкт-Петербург).

В условиях неопределенности планирование будущего становится затруднительным и наблюдается и парадокс — между ожидаемым успехом общественного развития и усиливающейся неуверенностью в завтрашнем дне.

Так, 57 % не планируют свою жизнь, считая это просто невозможным, и живут текущим днем, по ситуации. 23 % часто испытывают страх перед неопределенностью будущего. Только 9 % имеют горизонт планирования свыше трех лет, а 12 % — сбережения, позволяющие их семье прожить не менее года в случае потери дохода, хотя 20 % считают, что они хорошо материально обеспечены. Россияне переживают за будущее страны не в меньшей степени, чем за свое собственное (Табл. 3). С одной стороны, большинство верит в победу России в СВО (более 65 %; 7 % затруднились с ответом). С другой стороны, еще больше россиян (78 %) убеждены в негативных последствиях СВО для страны. Каждый второй (55 %) полагает, что страну ждут трудные времена, хотя за год с начала СВО этот показатель снизился на 22 %, что может говорить о частичной нормализации восприятия ситуации и ожидании постепенной деэскалации международного конфликта.

Таблица 3

Восприятие будущего (в %)

«Когда Вы думаете о своем будущем и о будущем нашей страны, какие чувства Вы чаще всего испытываете?»	Свое будущее	Будущее страны
Уверенности в хорошем будущем	14,2	16,7
Спокойствия	16,4	9,2
Надежды	28,9	31,3
Беспокойства	31,8	31,0
Страх	6,8	7,8
Отчаяния	1,4	3,3
Затруднились ответить	0,6	0,7

При всей противоречивости оценок текущей ситуации большинство россиян с оптимизмом смотрят будущее: по данным Института социологии, весной 2023 года 74 % опрошенных полагали, что путь, по которому идет Россия, даст положительные результаты: это самостоятельное национальное развитие России как евразийской цивилизации (78 %) с политическим вектором на Восток (66 %) и в союзе с ближайшими соседями (82 %). Внутренняя политика должна иметь выраженный социальный характер — поддерживать здравоохранение (61 %), обеспечивать доступное образование (48 %), гарантировать рабочие места (47 %) и решение жилищного вопроса (46 %). Очевидна общая нацеленность на социальную справедливость (45 %) — высокий уровень жизни и ликвидацию бедности (46 %), однако создание общества равных возможностей видится противоречиво. 40 % считают, что «Россия должна жить своим умом и идти своим путем, а не копировать опыт других стран», но собственный путь характеризуется по-разному: развитие прав и свобод че-

ловека, демократизация (35 %), укрепление роли государства, сильная власть, гарантирующая порядок (37 %), декларируемый сегодня государством консервативный путь с приоритетом национальных традиций, моральных и религиозных ценностей (38 %).

В целом россияне ориентированы на либерально-консервативное развитие, сочетающее сильную власть, социальную стабильность, мягкие либеральные реформы и правовое государство, минимально вторгающееся в личную жизнь человека, но поддерживающее социальные устои и традиции. С одной стороны, 55 % выступают за ограничение вмешательства государства в свою жизнь, за индивидуальную свободу и свободу слова (86 %), право человека бороться за свои интересы (63 %), но, с другой стороны, признают право государства вводить некоторые ограничения по отношению к оппозиционным СМИ (66 %) и конкретным инакомыслящим (68 %). Почти половина опрошенных (49 %) признается, что без поддержки государства им просто не выжить, т.е. очевидны и патерналистские установки, и страх политической нестабильности, беспорядков (42 %) [18. С. 32].

В обществе сохраняется представление о России как великой державе, которая не повторяет путь Советского Союза, а стремится стать экономически развитой и политически влиятельной страной (53 %) посредством развития промышленности, науки и образования и умения твердо отстаивать свои национальные интересы. Сильная держава ассоциируется у россиян с государством социальной справедливости, гарантирующим им стабильность и процветание, т.е. подразумевается социальная ответственность государства перед гражданами. По данным опроса, общественное признание (13 %), возможность быть полезным обществу, людям (12 %) и самореализация через участие в общественных и политических организациях (1 %) — менее значимые показатели жизненного успеха человека по сравнению с хорошей работой (51 %), финансовым благополучием (50 %) и семьей с детьми (46 %), а все это может гарантировать государство без посредника в лице гражданского общества.

Отсюда ожидание социально-экономических реформ сверху и лояльное отношение к власти в целом и ее региональным ветвям. Положительную роль сыграла и программа обновления региональных элит, запущенная администрацией президента в середине 2010-х годов («Программа кадрового резерва», конкурс «Лидеры России» и др.) — технократические установки на совершенствование механизма государственной власти в части чувствительности к нуждам населения получили некоторое практическое выражение, укрепив своего рода политический абсентеизм, отстранение от политики и замкнутость большинства на частной сфере и индивидуальных интересах, низкую ценность общественной солидарности и ориентацию не на гражданское общество, а на государство. Сохранится ли такой авторитарный баланс между властью и обществом в условиях усиливающейся политизации и возрастаю-

шего нормативного контроля за частной жизнью — вопрос сложный, учитывая, что существовавший долгое время стабилизирующий «патерналистский консенсус» — лояльность населения в обмен на невмешательство власти в частную жизнь граждан при условии реализации государством некоторых базовых социальных гарантий — сегодня оказался под угрозой [16. С. 123].

Парадокс перемен состоит в том, что в обществе одновременно и хотят, и боятся изменений — «и вдруг нам становится страшно что-то менять». Даже сам термин «перемены» довольно расплывчат, обозначая стремление к чему-то неопределенно новому [7. С. 77], а в массовом сознании расплывчатость и неопределенность усиливаются. Поэтому в общественном восприятии ожидания перемен тесно связаны с категорией надежды: люди готовы терпеть трудные времена в надежде на социальную справедливость и сохраняют умеренный оптимизм в оценках будущего, но интенция стабильности в общественном сознании становится все более очевидной и нарастающей.

Отмечая парадокс восприятия перемен общественным сознанием, следует вспомнить, что в исторической памяти россиян самые популярные фигуры с положительными оценками — это правители-реформаторы Петр I (62 %), Екатерина II (46 %), князь Владимир-креститель (49 %) [5. С. 28], т.е. сильные лидеры, сумевшие провести реформы и усилившие при этом государственность и интеграционные процессы. Но при этом историческая эпоха, в которой людям хотелось бы жить, — брежневская (стабилизационная), а не те эпохи, что оцениваются как переломные. Поэтому в условиях перемен возрастает роль политического лидерства как предлагающего модель развития на основе идеи социальной справедливости и выполняющего терапевтическую функцию в условиях нестабильности. В этом смысле крайне важно позитивное идейное наполнение реформ с точки зрения образа будущего: «Вы должны верить... что в конце концов вы создадите счастливую и здоровую нацию, общество, в котором люди найдут счастье» [22. С. 202].

Таким образом, стабилизационное сознание не равно стабильности, а, напротив, проявляет себя в условиях ее дефицита, когда общественная система сталкивается с серьезными вызовами. Так, в одной из популярных теорий международных отношений стабилизация понимается как совокупность идей и действий, связанных с восстановлением безопасности и развитием в так называемых «хрупких государствах» [29. С. 2]. Интенция стабильности в общественном сознании означает ориентацию на модель развития без потрясений, преемственность, интеграцию и баланс общественных интересов. Ю.Н. Давыдов противопоставляет стабилизационному сознанию кризисное восприятие реальности: первое проникнуто стремлением преодолеть кризис, опираясь на убеждение в существовании тех принципов социального порядка, следование которым ведет к самосохранению общества и его развитию [6. С. 18–19]. Формирующиеся черты такого стабилизационного сознания можно наблюдать в российском обществе сегодня.

Примечания

- (1) URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14871>
- (2) URL: <http://government.ru/orders/selection/406/>
- (3) URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--plai/projects>

Библиографический список

1. Галкин А.А. Политическая стабильность в годы перемен и потрясений // *Власть*. 2016. Т. 24. № 7.
2. Горшков М.К. О социальных результатах постсоветских трансформаций // *Социологические исследования*. 2019. № 11.
3. Дробижева Л.М., Рыжова С.В. Общероссийская идентичность в социологическом измерении // *Вестник российской нации*. 2021. № 1–2
4. Зотова Е.С. Россия как цивилизация и цивилизация как Россия: суть и ход перемен (обзор дискуссии) // *Философия хозяйства*. 2021. № 1.
5. Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (опыт социологического измерения) / Под ред. М.К. Горшкова. М., 2022.
6. История теоретической социологии: в 4-х тт. Т. 2 / Отв. ред. и сост. Ю.Н. Давыдов. М., 2002.
7. Латов Ю. В., Латова Н. В. «Запрос на перемены» в социологии и в СМИ (памяти В. В. Петухова — «изобретателя» понятия/мема) // *Вестник Института социологии*. 2022. Т. 13. № 2S.
8. Латова Н.В. Ситуация в стране и перспективы ее развития через призму общественного мнения в период пандемии // *Социологические исследования*. 2021. № 4.
9. Лукьянов Ф.А. Неожиданный индикатор перемен // *Россия в глобальной политике*. 2022. Т. 20. № 4.
10. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Мировосприятие российской молодежи: патриотические и геополитические компоненты // *Социологическая наука и социальная практика*. 2014. № 4.
11. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (Часть 1) // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2018. Т. 18. № 1.
12. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ страхов, надежд и опасений (Часть 2) // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2018. Т. 18. № 2.
13. Олейников А.А. Ценности России как Русской Евразии, как православно-евразийской цивилизации, как «исторической России» // *Философия хозяйства*. 2022. № 3.
14. Паутова Л.А. Стабилизационное сознание: интегративная модель. Омск, 2006.
15. Петухов В.В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // *Социологические исследования*. 2018. № 11.
16. Петухов В.В., Петухов Р.В. Запрос на перемены: причины актуализации, ключевые слагаемые и потенциальные носители // *Политические исследования*. 2019. № 5.
17. Петухов В.В. Российская молодежь и ее роль в трансформации общества // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 3.
18. Российское общество и вызовы времени. Кн. 6 / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М., 2022.
19. Русская политическая культура. Взгляд из утопии. Лекция Владислава Суркова. Материалы обсуждения в «Независимой газете». М., 2007.
20. Савин С.Д., Касабуцкая М.С. Национальное самосознание как фактор общественной стабильности и развития // *Качество жизни в фокусе междисциплинарных исследований* / Отв. ред. Р.Е. Маркин, А.В. Проноза. СПб., 2019.

21. *Савин С.Д.* Противники вакцинации в публичном пространстве российского общества (на основе изучения сетевой публикационной активности) // *Медицина и право в XXI веке*. СПб., 2021.
22. Сингапурское чудо: Ли Куан Ю.М., 2016.
23. *Тихонова Н.Е.* «Негативная стабилизация» и факторы динамики благосостояния населения в посткризисной России // *Социологический журнал*. 2019. Т. 25. № 1.
24. *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. М., 2021.
25. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М., 2007.
26. *Шевченко В.Н.* Онтологические константы России как государства-цивилизации в контексте всемирной истории // *Философские науки*. 2019. Т. 62. № 1.
27. *Яницкий О.Н.* О соотношении стабильности и мобильности глобальных систем // *Социологическая наука и социальная практика*. 2017. Т. 5. № 2.
28. *Bookchin M.* *Toward an Ecological Society*. Montreal, 1980.
29. *Zyck S.A., Muggah R.* Preparing stabilization for 21st century security challenges // *Stability: International Journal of Security & Development*. 2015. Vol. 4. No. 1.
30. *Rodman J.* Paradigm change in political science: An ecological // *Perspective American Behavioral Scientist*. 1980. Vol. 24. No. 1.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-4-770-786

EDN: HGHPSU

Stabilization consciousness in the changing Russian society*

S.D. Savin

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Krzhizhanovskogo St., 24/35–5, Moscow, 117218, Russia

(e-mail: ssd_sav@mail.ru)

Abstract. In recent decades, the growing dynamics of social processes requires a new theoretical-methodological approach to the analysis of the mass consciousness reaction to these changes. In what cases are such changes determined by expectations or requests for change, and in what cases do changes determine a reaction to stabilize the social system? How does public opinion strive to maintain or restore stability in the changing world? The complex structure of society as a system predetermines the dynamics of social sentiments, setting the logic of change and highlighting the dominant functions of different spheres of social life in different historical periods. Russian society has entered the political phase of its development — when changes caused by political goal setting affect all other spheres: political involvement, politicization of various aspects of society and of public opinion are increasing. Changes affect the life of the common man, forcing him to choose strategies for the future. However, at the same time, the mass consciousness, conservative by nature, inevitably hopes for quick stabilization. The article is based on the data of the opinion polls conducted by the Center for Comprehensive Social Studies of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Research of the Russian Academy of Sciences in 2016–2023 and analyzes the dynamics of public consciousness through its expectations and requests for change and stability. The author emphasizes the contradictory nature of changes

*© S.D. Savin, 2023

The article was submitted on 04.05.2023. The article was accepted on 16.10.2023.

in the Russian society, since the public consciousness was not ready for such a type, depth and pace of changes. There is a clear social segmentation — those who have already accepted changes and those who still try to distance themselves from changes. Stabilization consciousness plays a dual role by appealing to both the past and the future.

Key words: stabilization consciousness; social change; social stability; public consciousness; social tension; Russian society

References

1. Galkin A.A. Politicheskaya stabilnost v gody peremen i potryasenij [Political stability in the years of changes and shocks]. *Vlast*. 2016; 24 (7). (In Russ.).
2. Gorshkov M.K. O sotsialnyh rezultatah postsovetskikh transformatsij [Social outcomes of the post-soviet transformations]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2019; 11. (In Russ.).
3. Drobizheva L.M., Ryzhova S.V. Obshcherossiyskaya identichnost v sotsiologicheskom izmerenii [All-Russian identity in the sociological dimension]. *Vestnik Rossijskoj Natsii*. 2021; 1–2. (In Russ.).
4. Zotova E.S. Rossiya kak tsivilizatsiya i tsivilizatsiya kak Rossiya: sut i khod peremen (obzor diskussii) [Russia as a civilization and a civilization as Russia: The essence and course of changes]. *Filosofiya Khozyajstva*. 2021; 1. (In Russ.).
5. *Istoricheskoe soznanie rossiyan: otsenki proshlogo, pamyat, simvolyy (opyt sotsiologicheskogo izmereniya)* [Russians' Historical Consciousness: Assessments of the Past, Memory, Symbols (Sociological Measurement)]. Pod red. M.K. Gorshkova. Moscow; 2022. (In Russ.).
6. *Istoriya teoreticheskoy sotsiologii* [History of Theoretical Sociology]; in 4 vols. Vol. 2. Otv. red. i sost. Yu.N. Davydov. Moscow; 2002. (In Russ.).
7. Latov Yu.V., Latova N.V. “Zapros na peremeny” v sotsiologii i v SMI (pamyati V. V. Petukhova — “izobretatelya” ponyatiya/mema) [“Request for change” in sociology and in the media (In memory of V.V. Petukhov — “inventor” of the concept/meme)]. *Vestnik Instituta Sotsiologii*. 2022; 13 (2S). (In Russ.).
8. Latova N.V. Situatsiya v strane i perspektivy ee razvitiya cherez prizmu obshchestvennogo mneniya v period pandemii [Situation in the country and prospects for its development in the public opinion during the pandemic]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2021; 4. (In Russ.).
9. Lukiyarov F.A. Neozhidanny indikator peremen [An unexpected indicator of change]. *Rossiya v Globalnoj Politike*. 2022; 20 (4). (In Russ.).
10. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Mirovospriyatie rossiyskoy molodezhi: patrioticheskie i geopoliticheskie komponenty [Worldview of the Russian youth: Patriotic and geopolitical components]. *Sotsiologicheskaya Nauka i Sotsialnaya Praktika*. 2014; 4. (In Russ.).
11. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelny analiz tsennostnykh oriyentatsiy (Chast 1) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of value orientations (Part 1)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (1). (In Russ.).
12. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelny analiz strakhov, nadezhd i opaseniya (Chast 2) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of fears and hopes (Part 2)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (2). (In Russ.).
13. Olejnikov A.A. Tsennosti Rossii kak Russkoj Evrazii, kak pravoslavno-evrazijskoj tsivilizatsii, kak “istoricheskoy Rossii” [Values of Russia as Russian Eurasia, an Orthodox-Eurasian civilization and “historical Russia”]. *Filosofiya Khozyajstva*. 2022; 3. (In Russ.).
14. Pautova L.A. *Stabilizatsionnoe soznanie: integrativnaya model* [Stabilization Consciousness: An Integrative Model]. Omsk; 2006. (In Russ.).

15. Petukhov V.V. Dinamika sotsialnyh nastroenij rossiyan i formirovanie zaprosa na peremeny [Dynamics of the Russians' social sentiments and a public request for change]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2018; 11. (In Russ.).
16. Petukhov V.V., Petukhov R.V. Zapros na peremeny: prichiny aktualizatsii, klyucheveye slagaemye i potentsialnye nositeli [Request for change: Causes for actualization, key components and potential actors]. *Politicheskie Issledovaniya*. 2019; 5. (In Russ.).
17. Petukhov V.V. Rossijskaya molodezh i ee rol v transformatsii obshchestva [Russian youth and its role in social transformation]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2020; 3. (In Russ.).
18. *Rossijskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kn. 6* [Russian Society and Challenges of the Time. Book 6]. Pod red. M.K. Gorshkova, N.E. Tikhonovoj. Moscow; 2022. (In Russ.).
19. *Russkaya politicheskaya kultura. Vzgljad iz utopii. Lektsiya Vladislava Surkova. Materialy obsuzhdeniya v "Nezavisimoy gazete"* [Russian Political Culture. A Look from Utopia. Lecture by Vladislav Surkov. Materials of the Discussion in *Nezavisimaya Gazeta*]. Moscow; 2007. (In Russ.).
20. Savin S.D., Kasabutskaya M.S. Natsionalnoe samosoznanie kak faktor obshchestvennoj stabilnosti i razvitiya [National consciousness as a factor of social stability and development]. *Kachestvo zhizni v fokuse mezhdistsiplinarnyh issledovanij*. Otv. red. R.E. Markin, A.V. Pronoza. Saint Petersburg; 2019. (In Russ.).
21. Savin S.D. Protivniki vaktsinatsii v publicnom prostranstve rossijskogo obshchestva (na osnove izucheniya setевой publikatsionnoj aktivnosti) [Anti-vaxxers in the public sphere of the Russian society (based on the study of network activity)]. *Medsina i pravo v XXI veke*. Saint Petersburg; 2021. (In Russ.).
22. *Singapurskoe chudo: Lee Kuan Yew* [Singapore Miracle: Lee Kuan Yew]. Moscow; 2016. (In Russ.).
23. Tikhonova N.E. "Negativnaya stabilizatsiya" i faktory dinamiki blagosostoyaniya naseleniya v postkrisisnoj Rossii ["Negative stabilization" and factors of social well-being dynamics in post-crisis Russia]. *Sotsiologicheskij Zhurnal*. 2019; 25 (1). (In Russ.).
24. Trotsky L.D. *Moya zhizn* [My Life]. Moscow; 2021. (In Russ.).
25. Fukuyama F. *Konets istorii i posledny chelovek* [The End of History and the Last Man]. Moscow; 2007. (In Russ.).
26. Shevchenko V.N. Ontologicheskie konstanty Rossii kak gosudarstva-tsivilizatsii v kontekste vseмирnoj istorii [Ontological constants of Russia as a civilization-state in the world history]. *Filosofskie Nauki*. 2019; 62 (1). (In Russ.).
27. Yanitsky O.N. O sootnoshenii stabilnosti i mobilnosti globalnyh sistem [On the relationship between stability and mobility of global systems]. *Sotsiologicheskaya Nauka i Sotsialnaya Praktika*. 2017; 5 (2). (In Russ.).
28. Bookchin M. *Toward an Ecological Society*. Montreal; 1980.
29. Zyck S.A., Muggah R. Preparing stabilization for 21st century security challenges. *Stability: International Journal of Security & Development*. 2015; 4 (1).
30. Rodman J. Paradigm change in political science: An ecological // *Perspective American Behavioral Scientist*. 1980; 24 (1).